*Таблица*

**«Сведения по делу об улучшении быта православного духовенства» как делопроизводственный комплекс (на примере Вологодской епархии)**

| Стадия опроса | Базовая церковно-административная структура | Документ | Функция в рамках опроса |
|---|---|---|---|
| 1. Обобщение и фиксация отправных данных | Приход | Поприходные табличные ведомости, текстовые «мнения» | Первичный документ |
| 2. Промежуточный контроль и агрегация первичных данных | Благочиние | Рапорт благочинного, экстракт по благочинию | Сопроводительный документ |
| 3. Рецензирование (корпоративный контроль) | Епархия | Рапорт Временного Частного комитета | Документ экспертной оценки |
| 4. Итоговое обсуждение | | Журнал Губернского присутствия по делам православного духовенства по благочинию | Итоговый документ |


Источники и литература

1. *Александрова, Т.М.* Материалы церковно-приходского учета как этнографический источник / Т.М. Александрова // Этнография Петербурга – Ленинграда: тридцать лет изучения. 1974 – 2004. – СПб., 2004. – С. 32 – 60.
2. *Всеволодов, А.В.* Кампания по сбору «Сведений по делу об улучшении быта православного духовенства» 1863 г. в Вологодской епархии / А.В. Всеволодов // Региональная научно-практическая конференция «Историческое краеведение и вологодские архивы». – Вологда, 2011. – В печати.
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 13549.
4. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 13550.
5. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 13551.
6. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 13552.
7. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М., 1987.
8. *Литвак, Б.Г.* О путях развития источниковедения массовых источников / Б.Г. Литвак // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. – М., 1969. – С. 102 – 114.
9. *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. / Б.Г. Литвак. – М., 1979.
10. *Миронов, Б.Н.* [Рец. на кн.: Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. – М., 1979] / Б.Н. Миронов, А.Л. Шапиро // История СССР. – 1981. – № 2.
11. Массовые источники по истории советского рабочего класса периода развитого социализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1982.
12. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1979.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 804. – Оп. 1. – Разд. I. – Д. 9.
14. РГИА. – Ф. 804. – Оп. 1. – Разд. III. – Д. 25.
15. РГИА. – Ф. 804. – Оп. 1. – Разд. III. – Д. 26.
16. РГИА. – Ф. 804. – Оп. 1. – Разд. III. – Д. 27.
17. РГИА. – Ф. 804. – Оп. 1. – Разд. III. – Д. 33.
18. Свод законов Российской империи. Изд. неофициальное в 5 кн. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. – Кн. III. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб., 1912.
19. *Чижевский И.Л.*, прот. Церковное письмоводство. Собрание правил, постановлений и форм по правильному ведению оного / И.Л. Чижевский. – Харьков, 1881.


УДК 93/94.930

***Б.В. Петелин***

## ХАННА АРЕНДТ: ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

В статье анализируются основные положения и суждения Анны Харенд в ее книге «О революции» применительно к истории России и современным революционным событиям в мире.

Революция, власть, демократия, диктатура, гражданское общество, политическая система, гражданская война.

The article analyzes Hannah Arendt’s main principles and opinions in her book «On Revolution» concerning the history of Russia and modern revolutionary events in the world.

Revolution, authority, democracy, dictatorship, civil society, political system, civil war.

Изданная впервые на русском языке книга Ханны Арендт[1] «О революции», написанная еще в 1963 г., оказалась весьма кстати [1]. XX век, в котором жила Арендт, был богат на революции, но и в новом веке их уже случилось немало, и никакой лимит, как утверждают некоторые политики, не был исчерпан в прошлом времени. В современной истории многие события вошли в политический лексикон как «революции»: крах реального социализма в Восточной Европе, распад СССР и Югославии и последовавшие за этим вооруженные конфликты на территории этих государств, всевозможные «цветные революции», перекинувшиеся из Европы в Северную Африку, Ближний и Средний Восток. Где и когда остановится вал социальных потрясений, и не пойдет ли он по кругу, можно лишь предполагать. Чем обусловлены эти перемены? Наблюдаем ли мы череду «революций» («перманентную революцию»), или происходящие события не более, чем столкновения группировок в борьбе за власть и контроль над природными ресурсами?

При всем сходстве войн и революций, писала Аренд, войны сопровождают человека в истории изначально, тогда как о революциях можно говорить в основном начиная с Нового времени. До этого «различие между бедными и богатыми считалось столь же естественным и неизбежным для государственного организма, сколь и различие между здоровьем и болезнью для организма человеческого» [1, с. 20]. Социальный вопрос превратился в вопрос революционный тогда, когда необходимость наличия бедности была поставлена под сомнение. Ханна Арендт, не будучи апологетом Американской революции, тем не менее считала, что дорога к революциям была проложена в США. Америка благодаря упорному труду колонистов стала символом «общества без нищеты» и после того, как об этом узнали европейцы, социальный вопрос стал играть революционную роль [1, с. 22].

Надо отдать должное Аренд, немало места в своей книге она отводит выяснению сущности термина «революция». Первоначально слово «революция» являлось астрономическим термином. Его роль заметно возросла после «звездных» открытий Коперника. В качестве политического термина «революцию» употребили в XVII веке, причем не в тот момент, когда произошла Английская революция, и Кромвель установил первую революционную диктатуру, а в 1660 г., уже после падения Долгого парламента и восстановления монархии [1, с. 52].

Тем самым, «революция» оказалась связанной не собственно с революционными переменами, а реставрацией, иными словами – «контрреволюцией». Необъяснимого в этом ничего нет. Так как в астрономии под «революцией» понимали возвратное, циклическое движение, то есть установленный из вне порядок, то и в человеческом обществе слово «революция» употреблялось для обозначения повторяющихся процессов, возвращения на круги своя… Но Великая французская революция, которая всесторонне рассматривается автором, изменит этот ход и приведет к новому, революционному порядку. Правда, Арендт не склонна восхищаться французской революцией, которая «посеяла в мире смуту» [1, с. 69].

Ханна Арендт ставит ряд вопросов, которые, как и ответы на них, не утратили актуальности. В чем главный революционный конфликт? Какие революции могут считаться «правильными»? Только те, которые добились своей цели? А кто ставит эти цели? Зачем? Как? Автор, отвечая на вопросы, последовательно анализирует документы, мемуары, переписки, исторические работы, философские труды. Поэтому политическое произведение остается в рамках научной методологии. Для Арендт подлинная революция начинается со стремления масс к свободе. Ни попытка справиться с нищетой, ни желание создать более эффективную систему распределения благ – ничто из этого не создает революционной ситуации.

Если следовать мысли Арендт, революция всегда имеет своей целью расширение политических возможностей общества. Ее результатом является не просто смена власти, это возможно и в ходе обычного государственного переворота, а приобретение гражданами того качественно нового состояния, при котором они становятся участниками управления государством. Книга «О революции» практически ничего не дает нам в понимании революций XX века. Проигнорировав марксизм, в книге ссылки на работы Маркса и Энгельса весьма редки, Арендт тем самым сузила историческое пространство своего исследования. После Французской революции XVIII в., по мнению автора, все остальные революции лишь повторяли ее «худшие черты». Не стала исключением и Октябрьская революция, которая также завершилась полным крушением лучших чаяний людей [1, с. 72]. Книгу Ханны Арендт можно посчитать практическим руководством для анализа социальных изменений, тем более что революции имели и имеют продолжение.

В.И. Ленин – выдающийся революционный теоретик и практик – не раз говорил: «Революция – это локомотив истории», то есть обновление общества идет революционным путем. XX век принес разнообразие всевозможных революций: «научные», «технические», «демографические», «сексуальные», «зеленые» и т.д. В современной исторической науке принято подразделять их на «социальные» и «политические». Первые – ведут к смене общественного строя, вторые – замене одного политического режима другим. Поэтому к трактовкам Арендт добавим: под «революцией» принято понимать качественное изменение в развитии природы, общества или познания, сопряженное с открытым разрывов с предыдущим состоянием.

[1] Ханна Арендт родилась 14 октября 1906 г. в Германии. Перед приходом нацистов к власти эмигрировала во Францию, затем перебралась в США, где проявила себя как незаурядный политолог, философ, историк. Автор фундаментального труда «Истоки тоталитаризма». Скончалась 4 декабря 1975 г. в Нью-Йорке.

В марксистской исторической науке наибольшее внимание уделялось «буржуазным революциям». Это можно объяснить тем, что буржуазные революции вели не только к победе капитализма, но и формировали его «могильщика» – пролетариат, миссия которого была обоснована К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии». Октябрьская революция 1917 г., при всем различии оценок, стала воплощением марксистских идей. Однако спустя семьдесят лет от завоеваний революции ничего не осталось: советской власти, социализма, Советского Союза. Современная Россия в межгосударственных отношениях стала правопреемником СССР, но во всем остальном – полный разрыв с советской историей. Впору говорить о торжестве контрреволюции. Обратимся снова к В.И. Ленину, суждения которого должны быть в политическом словаре. Он говорил, что «революция и контрреволюция – одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике... Революция без контрреволюции не бывает и не может быть». Получается, что изучать контрреволюцию не менее важно, чем революцию.

Если ранее в трактовке революций указывалось на ее прогрессивное значение, на позитивные результаты революционных перемен, то сейчас акценты сместились. Подчеркивается ее разрушительное воздействие на сложившийся социальный порядок, то есть революция предстает как «противоестественное явление», ибо оно направлено против «нормального», «естественного» состояния общества. По мнению политологов, революция есть патология, а не норма. Затяжная революция (в качестве примера ссылаются на Россию: «есть у революции начало, нет у революции конца») – это хроническая социальная болезнь, от которой она так и не излечилась.

Перестройка в СССР была заявлена как «прямое продолжение Октября». Фактически таковой она и стала, ибо ее результаты действительно оказались «революционными». Уничтожение СССР произошло не вследствие войны, к чему он был готов, а стало результатом внутренней политики правящей коммунистической элиты [10, с. 9]. Поэтому можно согласиться с тем, что контрреволюция, прежде всего, есть внутренний момент революции, а не ее внешняя противоположность. Контрреволюция – это завершающая стадия революции. История революций, той же Великой французской буржуазной революции, подтверждает этот вывод. Но контрреволюция, восстанавливая порядок, вовсе не ведет к буквальной реставрации прошлого. Это невозможно, да и этого не требуется. Порядок устанавливается «новый», что достигается более насильственными средствами, чем это было при свершении революции. Больше всего жертв революция оставляет не «на входе», а «на выходе». В то же время приход контрреволюции не является целью революционеров. До тех пор, пока продолжаются революционные действия и преобразования, а революционеры остаются верны тем идеям, целям и программам, во имя которых начиналась революция, она будет иметь потенциал для развития. Но если только революция останавливается или замедляет свой темп, за этим немедленно торжествуют реакция и контрреволюция.

Как оценивать «цветные» революции? К какому новому состоянию ведут они народы и страны? Начавшаяся «революционная весна» в североафриканских государствах и странах Ближнего Востока привела пока лишь к устранению прежних политических режимов, которые обладали определенной легитимностью, иначе они не продержались бы столько лет, а новым режимам свою легитимность еще предстоит доказать. Профессор МГПУ Е.С. Галкина, обращаясь к Египетской революции 2011 г., приводит широкий перечень причин: экономического, политического, демографического, социального, религиозного характера, полагая, что основная причина – это отсутствие в Египте современной политической системы, что не позволяло оппозиции придти к власти демократическим путем [3, с. 19].

С одной стороны, подобный подход созвучен мыслям Арендт о стремлении граждан к свободе, как главной цели революций. С другой стороны, природа современных революций настолько противоречива и затемнена многими факторами и обстоятельствами, что давать оценку их истинному предназначению крайне сложно. Большей частью эти «революции» изначально являются гражданскими войнами, к тому же при непременном участии внешних сил в лице США, НАТО, ЕС, отдельных недружественных государств, как это было в Афганистане, Ираке, Ливии, Югославии. Если применить книгу Ханны Арендт к практике последних десятилетий, то получится, что мы оказались в странном времени изменений без революций. Очевидно, что и в Египте общество будет отброшено назад, так как светское государство, которое было при прежнем режиме, окажется разрушенным.

Мы далеки от того, чтобы упрощать исторические события, сводя революции к «заговору неких сил». Да, современную историю трудно отделить от политики, но историк тот, кто за фактами видит глубинные смыслы и облекает их в связанное знание [7, с. 10]. Упомянутые выше перемены в странах Восточной Европы на рубеже 80 – 90 гг. XX в. действительно имели революционный характер. Однако спустя двадцать лет историки так и не пришли к согласию в определении, как их характера, так и названия. Насколько серьезно следует воспринимать такие дефиниции, как «бархатные», «переговорные», «демократические»? То, что это были революции, сомнений нет: произошла перемена строя. Коммунистические режимы и соответствующая им экономическая система были демонтированы [5, с. 16 – 17]. Но почему нельзя назвать эти изменения «контрреволюцией», ибо они перечеркнули те социальные завоевания, что были достигнуты за десятилетия реального социализма.

Одно из существенных отличий современной истории от предыдущих эпох, к которым обращалась Хана Арендт, в многослойности самих событий. Выявить причинно-следственные связи, роль и значимость внутренних и внешних факторов затрудни-

тельно, а в некоторых случаях просто невозможно. Если до недавнего времени к революционерам традиционно относили левых, то в 80-е гг. XX в. в ряду «революционеров» оказались Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган. Для историков оказался приемлемым термин «неоконсервативная революция» [4], [6], [8].

Более того, известный английский историк, профессор Оксфордского университета Дэвид Пристланд склонен рассматривать в одном контексте «революцию» Рейгана и «революцию» Горбачева, не усматривая противоречия в том, что один их них был антикоммунистом, а другой генеральным секретарем коммунистической партии. Рейган и Горбачев, пишет он, осуществили «две революции, которым суждено было изменить мир в конце 1980-х годов: либерализацию капитализма и реформированию коммунизма» [9, с. 757 – 759].

Позволяет ли такой подход разглядеть объективные механизмы происшедшего в СССР в 1991 г.? Ханна Арендт предлагала пусть не бесспорный, но ясный критерий: появилось ли публичное пространство, в котором подспудные социальные сдвиги обретают свойства политических дискуссий, или нет? Термин «революция» создает иллюзию движения, в то время, как политический процесс остается консервативным, сковывая ускорение социальных изменений. Впрочем, та же Арендт считала, что подобное состояние ненадолго. И здесь мы не можем не выделить еще одно положение из ее книги. Совсем неожиданно она поднимает вопрос о «советах». Ее рассуждения носят, правда, расплывчатый характер, но для нее кажется приемлемой после революции эта форма, которая позволит гражданам участвовать в государственной жизни [1, с. 365 – 366]. В связи с этим, хочется подчеркнуть одну особенность современных революций: усталость людей от власти. Политические режимы имеют пределы в своем существовании.

В анализе революций есть еще одна проблема, которую не затронула Ханна Арендт: революция и национальный вопрос. Впрочем, в тех революциях, что представлены в ее книге, подобной проблемы могло и не быть. Мы возьмем для примера одно из главных событий недавнего прошлого – объединение Германии. Российские и немецкие исследователи едины в том, что это объединение стало возможным в результате «мирной демократической революции» в ГДР, считая ее окончанием выборы в Народную палату ГДР 18 марта 1990 г., после чего процесс объединения практически стал необратимым. Но Эрхарт Нойберт, например, считает, что революция длилась до 3 октября 1990 г., то есть до Дня германского единства [11, с. 13]. С такой точкой зрения можно согласиться, если видеть в революции в ГДР не только демократическую, но и «национальную» сторону. Когда на демонстрациях в ГДР появились лозунги «Мы – один народ» («Wir sind ein Volk») и «Германия – единое Отечество» («Deutschland einig Vaterland»), действительно можно говорить о национальном характере революции. В этих призывах, поддержанных как в Восточной, так и Западной Германии, была обозначена главная цель революции. Да, ее национальная окраска кое-кого насторожила и напугала, но немцы твердо заявили о своем праве на самоопределение.

По мнению известного российского историка В.П. Булдакова, сегодня люди «попросту не знают, как им быть с феноменом революции (отсюда избыточная эмоциональность суждений на этот счет» [2, с. 53]. Действительно, революционные события в современном мире нередки, но дотягивают ли они до уровня той революции, что имела в виду Аренд в своей книге? Вероятность подлинной социальной революции в России, в странах Запада не велика. Разрыв с капитализмом, как это обещали тридцать лет назад французские левые своим избирателям, оказался неосуществимым. Сегодня «выход из капитализма» не предлагают даже российские коммунисты. Может быть, пришло время вычеркнуть «революцию» из политического словаря? Но как быть с тем фактом, когда на улицы европейских и американских городов с социальным протестом сегодня выходят миллионы граждан? Политика реформ близка к исчерпанию, о чем свидетельствует глобальный финансовый кризис. Кто и как будет решать социальные проблемы? Не становится ли очевидным, что без кардинальных изменений социально-экономических и политических условий общество не придет к согласию и стабильности. В этом случае, апробированные в прошлом революционная теория и практика могут оказаться востребованными массами.

Источники и литература

1. *Арендт, Х.* О революции / Х. Арендт. – М., 2011.
2. *Булдаков, В.П.* Революция как проблема российской истории / В.П. Булдаков // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 53 – 64.
3. *Галкина, Е.С.* К вопросу о причинах Египетской революции 2011 года / Е.С. Галкина // Современные тенденции изучения и преподавания всеобщей истории: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 30 ноября 2011 года РГУ. – Рязань, 2011. – С. 16 – 19.
4. *Гарбузов, В.Н.* Революция Рональда Рейгана / В.Н. Гарбузов. – М., 2008.
5. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю.С. Новопашин. – М., 2007.
6. *Перегудов, С.П.* Тэтчер и тэтчеризм / С.П. Перегудов. – М., 1996.
7. *Петелин, Б.В.* Изучение современности: от политологических подходов к историческим оценкам / Б.В. Петелин // Ученые записки Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 8 – 12.
8. *Петелин, Б.В.* Консерваторы без консерватизма: какой поворот произошел в странах Запада в последней трети XX века / Б.В. Петелин // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции. – Нижневартовск, 2007. – С. 189 – 192.
9. *Пристланд, Д.* Красный флаг: история коммунизма / Д. Пристланд. – М., 2011.
10. *Уткин, А.И.* Как Запад ответил на перестройку / А.И. Уткин // Литературная газета. – 2011. – № 50.
11. *Neubert, E.* Unsere Revolution. Die Geschichte der Jahre 1989/90 / E. Neubert . – München, 2008.